

ШЕСТЬ ПЕСЕН ЛЕМЕШЕВА

Хранится в моем архиве несколько пластинок — тяжелых, хрупких, кажущихся сегодня такими неуклюжими, — но дороги они мне бесконечно.

Запись в те годы была несовершенной. Сегодня эти пластинки трудно слушать — они хрипят, шипят, заедают, звук «плывет». И все же голос на них волшебный.

Было это в 1936 году, незадолго перед тем, как режиссер В. Вайншток по рекомендации Д. Д. Шостаковича пригласил меня написать музыку к моему первому фильму «Остров сокровищ». И готовясь к этой большой работе, я сочинил «для тренировки» первую в своей жизни песню на стихи ленинградского драматурга Матвея Тевелева (который тоже до этого стихов не писал). Песня эта, «Письмо в Москву», была послана мной на всесоюзный конкурс. И — ни ответа, ни привета!

Я, считая, что песня получилась неплохая, очень обиделся на почтенное жюри и с тех пор не принимаю участия в песенных конкурсах ни как соревнователь, ни как член жюри, так как считаю, что, как правило, премированные песни не приобретают потом широкой известности. Исключения крайне редки. Казалось бы, в жюри обычно приглашаются люди опытные, квалифицированные, беспристрастные, а вот дальнейшая судьба одобренных ими произведений не угадывается. И объяснить это явление просто невозможно. Я, во всяком случае, не берусь.

И вот в 1938 году, приехав в Москву из Ленинграда по своим киноделам, я вдруг увидел афишу, извещающую о концертах советской музыки. А в числе других исполняемых произведений значилась моя «завалившаяся» на конкурсе

песня, неисповедимыми путями попавшая в репертуар декады.

Не будучи в те годы избалован исполнением своих опусов, я с волнением поспешил на концерт. Тем более что песню должен был петь сам Лемешев. И спел ее превосходно!

Горя желанием познакомиться с прославленным певцом и выразить ему свою признательность, я зашел к нему за кулисы. И сразу же был обворожен теплотой, приветливостью и открытостью этого красивого, веселого человека — блистательного певца и удивительного артиста, который тут же предложил мне написать несколько песен специально для него.

Я горячо поблагодарил Сергея Яковлевича за предложение и обещал сразу же сесть за работу. Но как-то так случилось, что я отвлекся на другие дела и выполнил его просьбу уже после войны, хотя за эти годы встречались мы часто и даже подружились.

И уж только в начале пятидесятых годов, не забывая о своем обещании и побуждаемый постоянными напоминаниями Лемешева, я написал специально для него пять песен: «Где ты, утро раннее?», «Звезда моих полей», «Аленушка», «Верезонька» и «Помнишь, мама?». Спел он их прекрасно, неповторимо, хотя у этих песен были и другие отличные исполнители. И навсегда для меня эти мои сочинения останутся связанными с именем моего милого друга.

О Лемешеве написаны книги, масса статей, мне повторяться не след. Но не могу не вспомнить об одной его творческой идее, которая так и не осуществилась.

— Понимаешь, — сказал он мне, — я бы хотел, чтобы ты написал вокальную поэму «Ночная Москва». Это должен быть ряд связанных вокальными же интермедиями песен о двух влюбленных, которые ночью бродят по городу, наблюдают его жизнь. Тут могут быть эпизоды и лирические,

и шуточные, и даже драматические. И все это для дуэта в сопровождении струнного квартета. Берешься?

Я ответил, что предложение его очень привлекательно, и спросил:

— А кого ты пригласишь в качестве партнеров?

На мой вопрос Сергей Яковлевич лукаво улыбнулся и шутливо ответил:

— Ну, как ты думаешь, хоть одна певичка откажется спеть в дуэте с Лемешевым?

Мы дружно рассмеялись.

Что-то у меня в этой работе не заладилось, и я надолго ее отложил.

А потом Сергей Яковлевич после своего прощального спектакля в Большом театре почти прекратил публичные выступления, хотя редкие его концерты и проходили с огромным успехом. Пел он в этих концертах свои любимые романсы и арии из русской и зарубежной классики. Занился режиссурой, педагогической деятельностью.

Я смотрю на старенькую папку с первыми эскизами «Ночной Москвы». Читаю поэтические строки Михаила Светлова, начавшего писать стихи для этого неосуществленного сочинения. Я никогда не напишу этого цикла. Я начал его сочинять для Сережи, моего дорогого друга, и твердо знаю, что так, как нам хотелось, как мы его задумали, цикл этот ни в чьем другом исполнении прозвучать не сможет. Есть и будут прекрасные певцы, талантливые артисты. Да, но ведь это же был Лемешев!

Шесть песен. И ни одной больше. Но благодарности моей этому высокому художнику, обаятельному человеку нет меры. Я счастлив, что наши имена стоят рядом на этих старых, тяжелых, таких сегодня неуклюжих и таких дорогих для меня пластинках.

Никита БОГОСЛОВСКИЙ,
народный артист СССР.

Соб. куклы, 1984, 19 авг.